
Д.И. Чижевский

ТРУБЕЦКОЙ И ДОСТОЕВСКИЙ¹

1

Николай Сергеевич Трубецкой² был не только языковедом, но и историком литературы. Назвав его «формалистом», как это делает В. Эрлих³, мы отнеслись бы к нему несправедливо. Во всяком случае, я должен несколько ближе определить значение этой характеристики, тем более, что сочинения из наследия Трубецкого предоставляют для этого некоторый материал. К интересным сторонам литературоведческой работы Трубецкого, несомненно, относятся его не полностью сохранившиеся статьи о Достоевском.

Гоголь — писатель, столь многое кратко и метко охарактеризовавший в духовной истории России, между прочим, вероятно, непреднамеренно, изобразил в своей повести «Рим» деятельность русских историков литературы XIX века, сообщая о занятиях историей литературы героя повести, итальянского князя. Эти занятия состояли в том, что учитель, аббат, зачитывая ученику отдельные места из «Божественной комедии» Данте, сопровождал чтение постоянными восклицаниями: «Dio, che cosa divina!»⁴ или «Diavolo, che divina cosa!»⁵. В этой манере написаны бесчисленные работы русских (и нерусских) историков литературы XIX века, с тем лишь отличием, что похвала могла разнообразно варьироваться (для чего традиционные общие места предлагали достаточно материала) и что иногда, наряду с похвалой, могло иметь место и порицание. И даже люди, сами себя считающие формалистами и структуралистами, не могут освободиться от этого метода, напо-

минающего выставление отметок школьными педагогами за результаты ученических работ.

Манера эта, поскольку она претендовала на научное значение, отталкивала Трубецкого. И, может быть, следует отнестись с величайшим вниманием к тому, что он скажет о произведениях великого русского писателя⁶, которого почти исключительно оценивают по содержанию его произведений: Достоевского.

К сожалению, Н.С. Трубецкой не смог оставить нам свои мысли о поэтическом творчестве великого русского романиста в завершенной форме. В 30-е годы он читал лекции о Достоевском в Венском университете. В то же самое время изложил свои мысли о ранних произведениях Достоевского в докладе перед членами Пражского лингвистического кружка⁷. От венских лекций сохранились только рукописные наброски. Сейчас эти наброски публикуются в нью-йоркском журнале «Новый Журнал». Пражский доклад сам я не слышал и знаю его содержание только из сообщений нескольких участников кружка.

К сожалению, до сих пор никто не продолжил начинаний Трубецкого и, таким образом, его мысли остаются для нас *tombra disjecta*⁸, которые, однако, как и все мысли, доступные нам только в виде набросков, представляют собой основы для дальнейшего историко-литературного исследования поэтического творчества Достоевского. Разумеется, Трубецкой не отрицал необходимости исследования и биографии Достоевского, особенно же его идеологического вклада в философскую проблематику, как не утверждал он и того, что физическое и акустическое исследование фонетических проблем должно быть исключено фонологией. Но так же, как фонология заново осветила подлинное значение физических и акустических исследований всей так называемой фонетики и только и сделала понятным ее действительное значение, так же позволительно будет ожидать, что ограничение литературоведческого исследования его *подлинными* проблемами, а именно: исследованием художественных произведений как произведений *искусства*, и прежде всего искусства слова, оплодотворит литературоведение, и даже, может быть, во многих отношениях только и сделает его возможным. Ведь для решительного отхода от упорно сохраняемой традиции, отличающего все работы Трубецкого, особенно характерно то, что для своих специальных литературоведческих исследований он выбирает именно про-

изведения Достоевского — писателя, которого постоянно вновь и вновь интерпретируют как мыслителя и только мыслителя. Правда, биографический метод интерпретации великого писателя и в прочих случаях существенно отошел на задний план. Уже в течение нескольких десятилетий биографическое исследование рассматривается как своего рода подготовка к литературоведческому анализу, под которым, однако, все еще (и особенно, если речь идет о таком писателе и мыслителе, как Достоевский) прежде всего понимается изложение идеологического содержания литературных произведений.

2

Основу для дальнейшего исследования и для осуществленного им еще конкретного изложения отдельных произведений Достоевского Трубецкой предлагает в краткой, но чрезвычайно значительной статье «О методах изучения Достоевского» (Новый Журнал, кн. 48, 1957)⁹. Разделение живой личности писателя на три методологически строго разграничиваемые фигуры (Достоевский-человек, Достоевский-мыслитель, Достоевский-художник) является предпосылкой для дальнейших размышлений Трубецкого. При этом Трубецкой, согласно русскому словоупотреблению, называет Достоевского «писателем» (так в русском языке называют литераторов-прозаиков)¹⁰. Задачу историка литературы он характеризует как исследование «чисто литературного, художественного бытия его творчества»¹¹. Если согласиться с этим, то следует более детально охарактеризовать метод исследования. К счастью, мы не только знаем соответствующие воззрения Трубецкого, но и располагаем отдельными примерами применения этого метода в трех дальнейших его статьях (Новый Журнал, 60/1960, 61/1960 и 71/1963). В этих статьях рассматриваются ранние произведения писателя (кн. 61)¹², произведения «второго периода», к которому относятся большие повести, возникшие после возвращения писателя из сибирской ссылки, и его «Записки из Мертвого дома» (кн. 71)¹³ и, наконец, два больших романа: «Преступление и наказание» и «Бесы» (кн. 60)¹⁴.

В своей первой статье Трубецкой справедливо подчеркивает недостаточность созданных до сих пор биографий Достоевского. Редакция журнала указала здесь в примечании, что эти критические высказывания были написаны «в начале 30-х годов». К сожалению, и теперь — после выхода многочисленных биографических работ и публикаций источников, прежде всего богатого содержанием 4-го тома писем Достоевского, опубликованного в 1959 году, т.е. через 20—30 лет после выхода первых трех томов¹⁵ — следует с той же решимостью повторить мнение Трубецкого. Важнее этой оценки биографических работ является констатация Трубецкого: значение имеет не происхождение различных деталей произведений писателя, но их функция. Кроме того, Трубецкой справедливо подчеркивает, что, несмотря на все попытки биографического исследования, эти биографически объяснимые элементы «очень немногочисленны»¹⁶. Собственно говоря, можно пойти дальше и указать на то, что тех же самых людей (послуживших, по мнению биографов, прообразами для различных героев Достоевского) и различные явления русской и западноевропейской жизни видели тысячи современников писателя и часто видели их в более непосредственной близости, — но известны и важны они для нас сейчас лишь после поэтических произведений Достоевского, ибо Достоевский создал из этих фрагментов действительности, чаще всего не имевших с его собственной жизнью и жизнью его окружения ничего общего, «новую, особую жизнь»¹⁷. Демонстрируемое здесь Трубецким на примере Достоевского, было, очевидно, принципиальным положением его литературоведческой теории. Кстати, это можно было бы показать на примере других его историко-литературных работ, доступных нам, к сожалению, только по публикациям из наследия.

Еще более важно второе сопоставление, развитое Трубецким: сопоставление исследования идеологического содержания произведений Достоевского и художественного оформления идейного содержания его произведений. Трубецкому удастся показать, что все мнимые противоречия, изменения взглядов и колебания Достоевского, якобы открываемые исследователями идеологии его произведений, в действительности объясняются способностью Достоевского с такой художественной силой изображать всех сво-

их героев в качестве живых носителей определенного мировоззрения, что читателю внушается равноправие этих принципиально различных воззрений. Разумеется, Достоевский нигде не встречал таких последовательных, «умных» и глубоких мыслителей, как его герои. Он создал их, он изобразил их как равноправных борцов в своих произведениях, и значение их умственной силы — а иногда и слабости — обусловлено и объясняется опять-таки не реальными прототипами или представителями этих взглядов, с которыми Достоевский, может быть, познакомился в жизни, но только функцией этих фигур и их мировоззрений в соответствующем контексте произведения литературы.

Единственным аутентичным источником мировоззрения Достоевского, которым располагает исследование, являются его публицистические сочинения и его письма. Для литературоведения Достоевский интересен и важен только как «писатель» и «художник». Может быть, здесь Трубецкой чересчур сильно заострил свой тезис: ведь и в публицистических произведениях Достоевского мы иногда — пусть и не очень часто — видим его в качестве художника. Но, во всяком случае, основное положение Трубецкого имеет для исследования Достоевского как писателя принципиальное и направляющее значение.

Только форма является спецификой литературного произведения и только форма со всеми своими элементами, с композицией, манерой изображения, художественными средствами, сюжетами, мотивами и лексикой является объектом литературоведческого исследования.

Со всей решимостью отвергает Трубецкой психопатологический (особенно психоаналитический)¹⁸ и социологический методы исследования. И я полагаю, что и мы с определенностью можем сказать, что сумеем добиться подлинного понимания и правильной оценки Достоевского как писателя только на исследовательском пути, указанном Трубецким. Аналогичными путями шли немногие другие авторы работ, возникших, пожалуй, независимо от Трубецкого¹⁹. К сожалению, значение этих опытов большинством литературоведов до сих пор совершенно игнорировалось.

Свои размышления Трубецкой завершил кратким резюме: «Нас интересует Достоевский как писатель, то есть его художественные намерения и замыслы, средства, которыми он пользовался для того, чтобы произвести желаемое впечатление, наконец, то действитель-

ное впечатление, которое его творения производили на современников. Биография и идеология Достоевского интересуют нас также, но не как самоцель, а лишь поскольку они связаны с его (поэтическим)²⁰ творчеством»²¹.

4

Из-за недостатка времени мы не можем изложить здесь конкретные исследования Трубецкого, насколько они нам сейчас доступны. Но на одно в высшей степени странное обстоятельство мне все же хотелось бы обратить внимание в конце своих рассуждений о том, что не было замечено многими славистами, цель которых указать на работы Трубецкого: подобно тому, как фонологическое исследование имеет большое и плодотворное значение для фонетики, которой оно сначала противопоставлялось, точно так же и «формалистические» статьи Трубецкого методологически могут существенно способствовать пониманию идейного содержания произведений Достоевского. Имеющиеся уже главы показывают нам прежде всего работу Достоевского над композицией его ранних повестей и произведений второго периода. Эта работа является подготовкой композиционно нового вида «полифонического романа», представленного пока что у Трубецкого двумя романами (см. выше): идеологическое содержание романов чрезвычайно тесно связано с этой новой формой, и изложение идеологии Достоевского должно принять существенно иной вид, превратившись в обсуждение этой полифонической структуры романов. Ведь не случайно сам Трубецкий в своих статьях дает ценные биографические указания: его новая исследовательская точка зрения открывает как новые перспективы для понимания различных моментов жизни Достоевского, уже считавшихся окончательно разрешенными, так и позволяет ему констатировать неразрешимость некоторых биографических вопросов.

Можно надеяться, что исследования из наследия Трубецкого — даже если напечатанное уже исчерпывает его объем²² — будут и в дальнейшем оказывать свое освежающее и плодотворное воздействие на достоевковедение.

Примечания

¹ Впервые: **Tschihewskij D.** Trubetzkoj und Dostoevskij // Wiener Slavistisches Jahrbuch. — Wien, 1964. — P. 11. — S. 148—153. Перевод на русский и публикация осуществлены **В. Янценым** (Владимир Владимирович Янцен — кандидат философских наук, владелец частного архива славянской эмиграции в Галле на Заале (Германия); автор книг и статей по истории русской (славянской) эмиграции, философских работ. — *ред.*) с привлечением машинописного немецкого оригинала статьи, хранящегося в личном архиве Чижевского при отделе редких книг и рукописей библиотеки Гейдельбергского университета: Heid. — Hs. 3881. — Abt. — В 405. Примечания принадлежат публикатору.

² *Николай Сергеевич Трубецкой* (1890—1938) — русский лингвист, культуролог и этносоциолог, один из основателей евразийского движения и Пражского лингвистического кружка, основоположник фонологической школы в современном языкознании, сын философа С.Н. Трубецкого. Точную дату знакомства Чижевского с Трубецким установить не удалось, не смог ее назвать в своих «Пражских воспоминаниях» и сам Чижевский. — См.: **Чижевский Д.И.** Пражские воспоминания (1976). Перевод, комментарий и примечания **В. Янца** / **Сыроватко Л.В.** (*Ред.*): Русское зарубежье: приглашение к диалогу. — Калининград, 2004. — С. 227—253. О том, что это знакомство, возникшее, вероятнее всего, в 1924 году в Праге, когда Трубецкой «еще не был устроен в Вене», вскоре переросло в научное сотрудничество и весьма теплые личные отношения, свидетельствует множество источников: прежде всего некролог «Князь Н.С. Трубецкой», опубликованный Чижевским в «Современных записках» (1939. — № 68. — С. 464—468), письма Н.С. Трубецкого, хранящиеся в архивах Чижевского в Галле и в Гейдельберге, а также многочисленные автобиографические тексты Чижевского, в которых он с нескрываемой гордостью называет князя Трубецкого своим «гениальным другом». — См.: **Чижевский Д.И.**: Избранное в 3 т. — Т. 1. Материалы к биографии: (1894—1977) / Сост., вст. ст., коммент., перевод **В. Янца**. — М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье» — Русский путь, 2007. — С. 68.

³ **Erlich V.** Russian Formalism. History — Doctrine. — 'S-Gravenhage, 1955. — P. 130, 132n, 133, 189, 204, 205n, 224, 236.

⁴ Боже, какая божественная вещь! (*ит.*).

⁵ Дьявол, какая божественная вещь! (*ит.*).

⁶ Следуя традициям немецкого литературоведения, Чижевский везде называет Достоевского «Dichter» (поэт, создатель высших форм художественных произведений словесности), а говоря о его творчестве и произведениях, неизменно добавляет к ним эпитет «dichterisch» (поэтические). Трубецкой же, согласно русской литературоведческой традиции, говоря о Достоевском как о литераторе, употребляет слова «писатель» и «художник» (последнее слово в своем переносном и широком значении почти совпа-

дает с немецким понятием «Dichter»). Принимая это во внимание, мы при переводе статьи Чижевского о достоевсковедении Трубецкого вынуждены были пойти на компромисс: повсеместно сохранив эпитет «поэтические» (ведь и согласно русской литературоведческой терминологии вполне можно говорить о «поэтике прозы», «поэтике творчества»), все же заменили слово «поэт» на «писатель». Определение «поэтический» в статье Чижевского — синоним «художественного». Определенную роль играет в нем и характерное для немецкой лексики сопоставление «Dichtung» (поэтический вымысел) и «Wahrheit» (правда, истинное положение дел), классическим образом запечатленное в автобиографии Гете («Dichtung und Wahrheit. Aus meinem Leben», 1811—1831).

⁷ Вероятно, речь идет о докладе Н.С. Трубецкого «Юмористические повести Достоевского», прочитанном в Пражском лингвистическом кружке на немецком языке 15 марта 1932 года. — См.: Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Под общ. ред. Л. Белошевой. — Прага, 2001. — Т. II. — С. 115.

⁸ Разрозненные части (*лат.*).

⁹ Трубецкой Н.С. О методах изучения Достоевского // Новый Журнал. — 1957. — Кн. 48. — С. 109—121.

¹⁰ См. примеч. 6.

¹¹ Это не цитата из статьи Трубецкого, а резюме Чижевского, по непонятным причинам взятое им в кавычки.

¹² Трубецкой Н.С. Ранний Достоевский // Новый Журнал. — 1960. — Кн. 61. — С. 124—146.

¹³ Трубецкой Н.С. О втором периоде творчества Достоевского // Новый Журнал. — 1963. — Кн. 71. — С. 101—127.

¹⁴ Трубецкой Н.С. О двух романах Достоевского // Новый Журнал. — 1960. — Кн. 60. — С. 116—137.

¹⁵ Достоевский Ф.М. Письма. Под ред. А.С. Долинина. — Т. I—IV. — Л.—М.: ГИЗ — «Academia» — Гослитиздат, 1928—1959.

¹⁶ Трубецкой Н.С. О методах изучения Достоевского // Новый Журнал. — 1957. — Кн. 48. — С. 114.

¹⁷ Курсив Чижевского, не совсем точно цитирующего здесь статью Трубецкого: «Забывают также, что писатель такого калибра, как Достоевский, в каждом своем произведении создает что-то новое, особую жизнь, в корне отличающуюся от его собственной». — Трубецкой Н.С.: О методах изучения Достоевского // Новый Журнал. — 1957. — Кн. 48. — С. 114.

¹⁸ «Свои взгляды на Достоевского Фрейд изложил в очерке “Достоевский и отцеубийство”, помещенном в качестве предисловия к немецкому переводу планов и заметок к “Братьям Карамазовым” (Мюнхен, 1928, Пипер Ферлаг). Очерк этот впоследствии перепечатывался в собрании статей Фрейда на разных языках. Психоаналитический подход к писателю был ранее испробован доктором Иоланом Нейфельдом, о котором Фрейд в своем очерке упоминает с похвалой. Книга Нейфельда (переведенная на русский язык) полна, однако, таким количеством грубых ошибок, что цен-

ность ее более чем сомнительна, и пользоваться ею как источником невозможно. Автор явно не знаком с датами и фактами жизни писателя, допускает множество искажений и строит свои выводы на недоброкачественном с биографической точки зрения материале». (Слоним М.: Три любви Достоевского. — Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1953. — С. 31). Применением методологии психоанализа характерна и сама книга М. Слонима. Более ранние примеры применения психоанализа и библиографию по психоаналитическому достоевковедению см. также в статьях Н.Е. Осипова «“Двойник. Петербургская поэма“ Ф.М. Достоевского (Заметки психиатра)» и А.Л. Бема «Драматизация бреда (“Хозяйка“ Достоевского)» // О Достоевском. Сборник статей. Под ред. Бема А.Л. — Прага, 1929. — С. 39—64. С. 77—124. Открывающая этот сборник статья Чижевского «К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике)» (с. 9—38) написана в совершенно ином — этико-онтологическом ключе, составлявшем одно из важнейших историко-философских открытий (включение Достоевского в традицию русских и западноевропейских философских исканий XIX — начала XX в.) и одновременно ядро собственной незавершенной философской системы Чижевского.

¹⁹ Чижевский явно имеет в виду свои собственные статьи о Достоевском, а также некоторые работы, возникшие на рубеже 1920-х и 1930-х годов в рамках пражского семинария по изучению Достоевского, которым руководил А.Л. Бем. См. современное переиздание сборников семинария: О Достоевском. Сборник статей под редакцией А.Л. Бема. Прага 1929/1933/1936 / Сост., вст. статья, комментарии Магидовой М. — Москва: Русский путь, 2007.

²⁰ Слово «поэтическим» добавлено в цитату Д.И. Чижевским. См. примеч. 6.

²¹ Трубецкой Н.С. О методах изучения Достоевского // Новый Журнал. — 1957. — Кн. 48. — С. 121.

²² В «Новом Журнале» вышли еще две статьи Н.С. Трубецкого о Достоевском: О «Записках из подполья» и «Игроке» (1964. — Кн. 77. — С. 139—156) и «Творчество Достоевского перед каторгой» (1965. — Кн. 78. — С. 253—274), о существовании которых Чижевский ко времени публикации свой статьи не знал.